

Иван Ильин

ПУТЬ К ОЧЕВИДНОСТИ

БИБЛИОТЕКА ПАЛОМНИКА

Библиотека паломника

Иван Ильин

Путь к очевидности

ТД "Белый город"

1957

УДК 13
ББК 87.3

Ильин И. А.

Путь к очевидности / И. А. Ильин — ТД "Белый город",
1957 — (Библиотека паломника)

ISBN 978-5-485-00568-9

Почему современное человечество переживает духовный кризис? Каковы пути выхода из него? Какова роль в восстановлении духовных начал человеческого бытия социальных институтов: семьи, нации, государства? Что такое духовность и какова ее природа? Каковы закономерности творческого акта, созидающего культуру? На эти и многие другие вопросы в своей книге «Путь к очевидности» отвечает русский патриот, философ и публицист Иван Александрович Ильин (1883–1954). Эта книга, изданная посмертно в Мюнхене в 1957 г., подводит итог многогранной философской деятельности Ильина. Автор призывает восстановить и обновить начала духовности в обществе и пытается дать некоторые рекомендации и правила, чтобы этот процесс пошел. И ключевую роль в этом призвана сыграть, полагает он, философия как стремление человека достичь «ясного для всех понимания в делах высшей и последней важности».

УДК 13

ББК 87.3

ISBN 978-5-485-00568-9

© Ильин И. А., 1957
© ТД "Белый город", 1957

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	8
1	8
2	12
3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Иван Александрович Ильин

Путь к очевидности

© Издательство «ДАРЬ», 2017

© ООО ТД «Белый город», 2017

Предисловие О новом человеке

Современный мир идет навстречу духовному обновлению. Многие еще не видят этого: одни – потому, что не изжили своих старых заблуждений и продолжают считать их «последним словом» жизни и правды; другие – потому, что страдания и лишения нашей эпохи слишком велики и поглощают у людей все их силы. Есть и такие, которые почувствовали необходимость духовного обновления, но не видят нового, верного пути и не знают, что начать... Но близится тот «день», когда духовное обновление начнется само собою и притом потому, что старые пути и направления окажутся исчерпавшимися, разочарование охватит души и человеческие лишения и страдания покажутся невыносимыми...

Ввиду этого было бы важно предвидеть, каковы же будут эти иные, новые пути и что нам надо ныне делать для того, чтобы вступить на них без сомнений и колебаний. Человеку недостойно пребывать в беспомощности и пассивности, предаваясь своей непонятной «судьбе» с покорностью младенца. Человек должен разуместь свои ошибки и заблуждения, свободно судить их, а не предаваться изжитому психозу, принесшему уже столько бед. Человек призван овладеть своей душой и ее слабостями, освобождать себя из состояния духовной слепоты и творчески слагать свою новую судьбу перед лицом Божиим. Трагические события истории, смуты и бедствия посылаются нам для того, чтобы мы одумались и сосредоточились на самом жизненно существенном, чтобы мы вспомнили о нашей творческой свободе и отыскиали в самих себе нашу собственную духовную глубину с тем, чтобы из нее повести наше обновление свободно, мужественно и активно.

И прежде всего нам надо сосредоточиться на том, что мы утратили. Человечество попыталось за последние два века создать культуру без *веры*, без *сердца*, без *созерцания* и без *совести*; и ныне эта культура являет свое бессилие и переживает свое крушение.

Люди не захотели больше *веровать*, потому что они уверили себя, будто вера есть противоразумное, научно несостоятельное и «реакционное» состояние души. Люди отреклись от *сердца*, потому что им стало казаться, что сердце мешает инстинкту, что оно есть разновидность «глупости» и сентиментальности, что оно подрывает человеческую деловитость и ставит человека в смешное положение; а «умный» человек больше всего боится показаться смешным; он желает «делать дела» и утверждаться в земной жизни. Люди отвергли *созерцание*, потому что их трезвый, прозаический «ум» презирает человеческую «фантазию» и считает, что самое важное в жизни есть «эмпирическое» и «прозаическое». Они вытеснили из жизни начало *совести*, потому что ее живоносные призывы и укоры совершенно не укладываются в контекст хладнокровных расчетов и деловых планов. И за всем этим, наряду с черствым себялюбием и самомнением, скрывался *ложный стыд* и *ложный страх*: люди боятся остаться в бедности и неизвестности, они боятся прослыть ребячливыми, несерьезными и смешными... Голодное самочувствие, тщеславие и честолюбие соединяются здесь с робостью перед «общественным мнением»...

Этот ложный стыд будет преодолен и устранен великими лишениями и страданиями нашей эпохи. Ибо страдание есть подлинная и могучая реальность, оно приобщает человека *бытию* настолько, что люди научаются быть, а не казаться, и их тщеславное желание «прослыть» и «прославиться» отходит на задний план. Но это и значит, что современному человеку предстоит еще мучиться и терпеть, и может быть, еще в неизведанных им формах гнета и унижения, до тех пор, пока не отпадет все кажущееся, условное и мертвое и пока не вырвется наружу исток внутренней реальности и творческой силы. Человек должен снова возжелать *подлинной реальности*, *субстанции* всяческого бытия и всякой жизни. Тогда в нем оживет и рас-

кроется сердце; тогда он свободно и решительно отдастся сердечному созерцанию; на этом он вновь обретет Бога, примирится со своей совестью и начнет создавать новую культуру, – обретая новую *веру* во Христа, слагая новую *науку*, созидавая новое *искусство*, формулируя новое *право* и водворяя новую, отнюдь не социалистическую, *социальность*...

Нельзя ни предусмотреть, ни предсказать, когда именно начнется это духовное обновление и когда наступит час творческого прорыва и постижения. Отдельные носители и осуществители его жили во все века и совершают свое дело и ныне. Во всяком случае, мы должны и теперь уже искать верного диагноза для современного духовного кризиса и намечать верные пути, ведущие к духовному обновлению.

К этому призвана особенно философия, как любовь к мудрости, как потребность в божественных содержаниях, как ответственнейшее исследование, как воля к очевидности в делах высшей и предельной важности. И философы нашей эпохи поступят правильно, если они забудут свои субъективно-произвольные «конструкции» и всякие «гносеологические» и «диалектические» комбинации и отдадут свои силы предметному созерцанию.

Тогда они прежде всего увидят и укажут *духовные раны* современной культуры, начиная с *утраты священного* во всей человеческой жизни и кончая исследованием тех бездн, в коих гнездится зло мира.

Вслед за тем им придется установить диагноз нашего культурного кризиса и показать, как современное человечество переоценивает чувственную жизнь и чувственные наслаждения, как оно создает бессердечную культуру и погружается в хаос духовного затмения.

Обращаясь к путям духовного обновления, они должны будут заняться прежде всего вопросами воспитания, чтобы указать его важнейшие, забытые и запущенные в нашу эпоху задания: надо будить духовное начало в детском инстинкте, приучать его к чувству ответственности, укреплять в людях предметную силу суждения и волю к духовной цельности в жизни.

Надо верно оценить то бремя земного существования, которое мы несем через всю жизнь, и найти естественные и справедливые способы для социального облегчения его.

Особенно важно понять и объяснить людям сущность *творческой жизни*. Это величайшая задача для поколений, идущих нам на смену. Строение творческого акта, созидающего культуру, должно быть постигнуто до глубины и обновлено из самой глубины, и притом – во всех областях и духовных призваниях.

И для того, чтобы разрешить все эти задания, людям надо обеспечить себе доступ к *первоначальным основам* духа и жизни. Человек будущей культуры должен снова возлюбить *духовную свободу*, предаться живой *сердечной доброте*, взрастить в себе драгоценное *смирение* как источник подлинной силы, преклониться перед *тайной Божьего мироздания*, укрепить в себе *силу сердечного созерцания*, научиться *радости благодарения* и восстановить в себе *подлинную религиозность*.

И то, что он тогда будет излучать в мир, освятит его личную жизнь и поведет его культуру по путям истинного христианства.

Часть первая

1

Бессердечная культура Из переписки двух ученых

Вот что стояло в *его* письме.

«Достоуважаемый коллега!

Не понимаю, чего Вы, собственно говоря, требуете от современного человечества?.. Чем дальше идет развитие культуры, тем напряженнее, тем интенсивнее она становится. Культура есть вообще *воплощение интенсивности*: „многое“ собирается и сосредоточивается (аккумуляция) и затем действует в формах концентраций (интенсивность). Это составляет самую сущность культуры. Именно бескультурность выражается в рассеянии, в рассредоточенности; и именно поэтому варварство есть явление распада, бесформенного множества, экстенсивности, вялого бессилия. Напротив, кто хочет творить культуру, тот должен собрать свои силы, научиться концентрации, вниманию, единению; он должен все взвешивать, вкладывать в дело все свои силы и стойко держаться до конца. Без этого никакая культура невозможна. Но это и есть приговор для всякой наивности, непосредственности и бессознательности. Мысль и воля должны проснуться, сосредоточиться, подчинить себе воображение и создать необходимое. При чем тут так называемая „жизнь чувства“ или, как еще говорят, „сердца“? Что она может дать? Она будет только отвлекать, уводить, мешать умственной концентрации, ослаблять волевую энергию...

Стоит только перебрать по очереди отдельные области человеческой культуры – и все сразу обнаружится.

Возьмем ли всеопределяющую ныне *технику*, великую основу всякого культурного начинания. Она строится на математическом естествознании и руководится соображениями экономии сил, полезности и дохода. Здесь чувство ничего не может; оно будет только мешать и должно быть устранено...

Возьмем ли *хозяйство*, и в частности *деловой оборот*: две великие сферы реальной необходимости и целесообразной организации – царство трезвого расчета, хладнокровного взвешивания и предвидения. Здесь все решается верной калькуляцией, конкуренцией, рекламой и быстро принятым решением. Где здесь место для любви? Она только спутает все, растворит, разложит и подорвет; она поколеблет и остановит весь хозяйственно-общественный механизм, заставит человека наделать нерасчетливых глупостей и разорит его. Человек борется с человеком за свое существование – и на этом держится все хозяйство. Здесь господствует инстинкт самосохранения и соперничество. И кто предается чувствам и чувствительности, тот пропащий человек...

Посмотрите на *науку*, этот главный двигатель всей современной культуры. Здесь все построено на объективном наблюдении и бесстрастном анализе. Жизнь чувства с его неустойчивостью и капризной субъективностью внесла бы в науку только туман и пристрастие; и потому она должна быть здесь подавлена или, во всяком случае, устранена. Чем меньше „симпатии“ и „антипатии“, волнения и негодования, тем успешнее идет научное исследование. Ненависть и любовь только плодят научные ошибки. „Сердцу“ просто нечего делать в науке.

А если взять культуру как *политику*, то тут уже совсем не будет места для „сентиментальности“. В политике царит личный, групповой и классовый интерес. Здесь идет умная и дерзкая борьба за власть. Здесь нужен холодный расчет, трезвый и зоркий учет сил, дисциплина

плина и удачная интрига; и конечно – искусная реклама. Политик должен блюсти равновесие в народной жизни и строить „параллелограмм сил“ в свою пользу. При чем тут чувство? Сентиментальный политик никогда не дойдет до власти, а если получит ее, то не удержит. Здесь все решается *волей и силой*, и любви здесь нечего делать. Сентиментальность погубит *всякий* государственный строй...

Заговорите о любви в *современном искусстве*, и на Вас все обернутся, как на устаревшего чудака-профана. Современное искусство есть дело развязанного воображения, технического умения и организованной рекламы. Сентиментальное искусство отжило свой век; это был век пастушек и романтиков. Ныне царит *изобретающее и держащее* искусство, с его „красочными пятнами“, звуковыми пряностями и эффективными изломами. И современный художник знает только две „эмоции“: зависть при неудаче и самодовольство в случае успеха.

И вот от всей культуры остается только *религия*, которая ныне, кажется, поколеблена в самых своих основах. Но западные европейцы давно уже уяснили себе, что в религии должна господствовать *воля, дисциплина и богословское доказательство*. Для того чтобы иметь веру и религию, человек должен *захотеть* веры и *подавить* свои сомнения. Он должен подчинить себя церковной дисциплине и погасить свои субъективные симпатии. Самостоятельное, свободное кипение чувств и разнуздание личных мнений только подрывает и разрушает религию. Здесь нет места ни сомнению, ни произволу; и если церковь хочет быть сильной, то она должна *устранить сердце из религии*.

Вот почему культура вообще не нуждается в жизни чувства: последнее должно быть обуздано, укрощено и преодолено. Распущенное чувство есть прямой признак некультурности, пережиток варварских времен...»

Я отвечал ему:

«Ваши определения, почтенный коллега, очень ясны и чрезвычайно поучительны. Они удивительно освещают всю проблему. Именно из того, что Вы вскрыли, у современных поколений западного человечества возникла нынешняя *бессердечная культура*. И все мы должны постоянно думать о том, сможет ли она дальше существовать в таком виде и как можно было бы спасти ее... Потому что предварительные итоги ее развития являют картину сущего *крушения*, а может быть, и *величайшей катастрофы*...

Культура последнего века покоится на некоторых основных предпосылках, которые редко выговариваются открыто, но которые внушаются современному „культурному человеку“ с самого детства как нечто само собой понятное и не допускающее никаких сомнений. Именно поэтому он впитывает их в себя как бы с молоком матери и живет ими всю жизнь. Вот эти предпосылки.

Сердце существует только для глупых людей; умные люди не считаются с ним и не поддаются его нашествиям. Совесть есть выдумка блаженных; с нею носятся только сентиментальные люди; только нежизнеспособные фантазеры дрожат перед этим призраком добродетели. Вера изжита и стала пережитком; она прощительна только наивным и непросвещенным людям; а умные и образованные люди могут только притворяться верующими, и притом в силу расчета и лукавства. Любовь есть или здоровый половой инстинкт, нужный для деторождения, или же старомодная сентиментальность, лицемерная фраза, остаток первобытного прошлого, которому нет места в современной культурной жизни...

Как сложились, как окрепли эти предпосылки современной культуры, – это долгая история: все развитие западноевропейского человечества дает ответ на этот вопрос; и было бы чрезвычайно поучительно проследить кристаллизацию этих основ из столетия в столетие. Однажды появится русский ученый, который выполнит эту работу. Под многовековым влиянием языческого, а потом католического Рима люди культивировали *волю и мышление*; они старались овладеть воображением, столь неосторожно проснувшимся в эпоху Возрождения, и подчинить его, и пренебрегали жизнью чувства, во всей его благодатной глубине, свободе и силе. От всего

чувства оставалась одна чувственность: эротика без любви. Только от времени до времени вырывались из земли и поднимались к небу – совсем индивидуально и самовластно – личные „гейзеры“ чувства, горячие источники любви и совести, которые при жизни не встречали ни понимания, ни сочувствия; а после смерти их личного носителя <его> дело искажалось или предавалось забвению (таков был Франциск Ассизский¹ в Италии, таков был Мейстер Экхарт² в Германии, таков был Томас Карлейль³ в Англии). Мы, конечно, отметим и признаем в современной культуре начало общественной благотворительности; но при ближайшем рассмотрении окажется, что в основе ее лежит волевая дисциплина, соображение о пользе и умелая организация, а совсем не любовь, не совесть и не чувство. Общественная благотворительность на Западе обдуманна и умна; почти всегда хорошо налажена и приносит немало пользы; но она почти всегда жестка и холодна, нелюбовна и неделикатна, ограничена определенными социальными группами и никак не связана с живою добротою... Она благотворит с выхолощенным сердцем.

Именно в этом все дело: западноевропейская культура сооружена как бы из *камня и льда*. Здесь религия, искусство и наука (за немногими гениальными исключениями!) холодны; а политика, техника, хозяйство и деловой оборот – жестки и суровы и вменяют себе эту жесткость в великую заслугу („высший уровень культуры!“)... Любовь мешает уму и воле; а культура считается именно делом воли и ума. Проявлять жизнь чувства ребячливо, несерьезно, просто – смешно! А стать смешным – это самое страшное дело для „серьезного“ человека... Культура есть дело строгое; а строгость формальна, холодна и жестка.

Умный английский философ Гоббс⁴ формулировал однажды социологический закон: „человек человеку – волк“ (*homo hominī – lupus*). Было бы несправедливо сказать, что это и есть закон современной культуры. Однако „культурное приличие“ требует того, чтобы люди обращали друг на друга как можно меньше внимания: не обременяли друг друга ненужным наблюдением и общением. Человек человеку – *прохожий*. Или, как тонко подметил Чехов, человек человеку не то запертый сундук, не то источник недоразумений. Люди подобны деревянным шарикам, которые чокаются друг о друга и отскакивают в разные стороны. Люди друг другу – соперники или конкуренты; и каждый опасается чужого недоброжелательного ока и осуждающего разговора. Они заботятся друг о друге лишь в меру ожидаемой от другого имущественной или служебной пользы, или в меру своего тщеславия, или еще – в меру чувственного влечения. А использованного человека „списывают со счета“ и при первом удобном случае предают. И делают это совершенно сознательно и довольно ловко. И зная это, для приличия – время от времени декламируют о гуманности; и расчетливо, с навязчивой рекламой, организуют „гуманные заведения“. А в прочем люди, как деревянные шары, случайно наталкиваются друг на друга, отскакивают и катятся дальше своею случайной дорогой. Люди относятся друг к другу так, как если бы их нормальное „рядомительство“ было подготовительной стадией для столь же нормального „взаимного нападения“. Но именно поэтому, как только дело доходит до борьбы, так оказывается, что „человек человеку – волк“...

Поэтому эти судорожные спазмы современной культуры – революции, гражданские и международные войны – *не случайны*: они суть естественные выражения сердечной жесткости,

¹ Франциск Ассизский (1181 или 1182–1226) – итальянский проповедник, автор ряда религиозно-поэтических произведений, канонизирован Католической Церковью. Основал религиозное братство близ г. Ассизи. Проповедовал аскетизм, заботу о душе, занимался благотворительностью, призывал к отказу от собственности. После его смерти братство превратилось в официальный католический орден францисканцев, отрекшийся от основных идей подвижника. – *Примеч. ред.*

² Экхарт Иоганн (Майстер Экхарт) (ок. 1260–1327) – монах-доминиканец, представитель немецкой средневековой мистики. В 1329 г. папской буллой многие тезисы учения Экхарта объявлены еретическими. – *Примеч. ред.*

³ Карлейль Томас (1795–1881) – английский философ, историк, писатель. Резко критиковал англиканскую церковь и буржуазные духовные ценности. – *Примеч. ред.*

⁴ Гоббс Томас (1588–1679) – английский философ, создатель первой законченной системы механистического материализма. В труде «Левиафан» он представлял естественное состояние людей в виде «войны всех против всех». – *Примеч. ред.*

алчности, зависти и ненависти. Жестокость этих столкновений уже заложена в повседневной жесткости и бессердечной жизни. И неудивительно, что антракты между революциями заполняются систематической подготовкой новых революций и что революция стремится захватить всю вселенную. И антракты между войнами заняты изобретениями новых оружий; и „наука“ уже торгует своими военными изобретениями, продавая их из страны в страну. Оружия эти становятся все более разрушительными, убийственными и мучительными и уже направляются на мирное население. И уже работают везде школы взаимного выслеживания, замучивания и искоренения. И все это не случайно, а заложено глубоко в *бессердечии современной культуры*.

Вот почему надо признать и громко выговорить, что двигаться по этому пути далее невозможно. Бессердечная культура подрывает сама себя: в изобретении атомной бомбы она дошла до вселенского самоубийства, а изобретение это, наверное, не составляет последнего слова разрушительной техники. Источники и основы современной культуры должны быть в корне пересмотрены. Человечество творит свою культуру *неверным внутренним актом*, из состава которого исключены: *сердце, совесть и вера*, а сила *созерцания* – заподозрена, осмеяна и сведена к подчиненному, почти подавленному состоянию. *Так создаваемая культура есть больная культура*; и то, что мы переживаем ныне, все наши бедствия, страдания и тревоги, суть естественные последствия этой больной культуры».

2

Обреченный путь

Вся современная культура, «социалистическая» и «несоциалистическая», потрясена в своих основаниях; ей грозит разложение и гибель. Это объясняется тем, что она создавалась и ныне по-прежнему строится с отстраненным и заглохшим, омертвевшим сердцем. Ее породил душевный акт *неверного строения*, и это вело и ныне ведет к самым тягостным, извращенным, трагическим последствиям. Современное человечество, «христианское» и противохристианское, должно понять и убедиться, что это есть ложный и обреченный путь, что *культура без сердца есть не культура, а дурная «цивилизация»*, создающая гибельную технику и унижительную, мучительную жизнь.

Пренебрежение, с которым современное человечество относится к «сердцу», объясняется целым рядом причин. В основе его лежит неверное представление о *творческом акте*, который трактуется *материально, количественно, формально и технически*. Для того чтобы жить в качестве *вещи среди вещей* (или, что то же, в качестве тела среди других тел), человек, по-видимому, не нуждается в «сердце», т. е. в живом и деятельном чувстве любви к Богу, к человеку и ко всему живому; такое существование может явно обойтись без этой необходимой и важнейшей силы: человек может отдавать свой интерес пище, питью, чувственным удовольствиям, внешним удобствам и впечатлениям или, наконец, лечению, не вовлекая своего сердца во все эти дела и занятия, оставаясь холодным, черствым и самодовольным «счастливецем». Подобно этому человеку, понимающему творчество некачественно, а *количественно*, безразличному к нравственному, религиозному, художественному и социальному совершенству жизни, – нет особенной надобности вовлекать («инвестировать») в свои дела и отношения начала чувства и любви: обилие имущества и денег, повышение фабричной продукции и увеличение сбыта, умножение слуг и рабов, – все это достигается волею, рассудком, расчетом, мыслью, интригой, жестокостью и преступлениями гораздо легче, чем любовью, которая может оказаться прямым препятствием во всех этих делах. Точно так же *формальное* отношение к жизни и творчеству облегчает человеку достижение «успеха» чуть ли не на всех поприщах: формальное трактование права требует только мысли и воображения и возможно без совести, без чести, без патриотизма и жалости; формальное отношение к религии превращает ее в дело пустого обряда и памяти; формальное восприятие искусства уже породило современный модернизм во всех его видах, не нуждающийся ни в сердце, ни во вдохновении, ни в предметосозерцании; формальная политика есть дело власти (воли) и дисциплины, и современное тоталитарное государство есть ее прямое порождение; и так во всем, во всех человеческих делах и отношениях. Что же касается *техники*, то она является сущим средоточием материализма, количественности и формализма; здесь сердцу, по-видимому, решительно нечего делать.

И вот человек, *так* понимающий и осуществляющий творческий акт, естественно и неизбежно предается наивно животному *своекорыстию, жажде обладания, власти и почестей* и в довершение усваивает совершенно ложное понимание человеческого достоинства, столь характерное для современных поколений.

Современный человек, чувствуя, что ему грозит бедность с ее лишениями, и ослепляясь мнимой мощью капитала, старается *как можно больше нажать и как можно меньше утрудить себя*. Он гонится за «прибылью», он желает получать и иметь много, но не желает давать со своей стороны. Он хочет жить долго и наслаждаться много и потому старается отделяться от своих занятий по возможности формально, поскорее и полегче управляться с ними, не связывать себя ничем и вовлекать свои чувства в дела возможно меньше. Он считает выгодным сторониться по возможности от всего, что могло бы обременить его: он склонен считать все

«относительным», «пустяками», «вздором»... И такая установка становится для него «защитной» и «бережливой» привычкой.

Кроме того, ему кажется, что такой подход к жизни наиболее соответствует его мужскому и профессиональному достоинству. «Настоящий» мужчина деловит и важен; он принимает свою серьезную деловитость за настоящую жизненную «предметность». Он не живет чувством и не принимает всерьез сердечных побуждений (исключение делается только для эротических увлечений, и то не всегда). Он избегает всего «субъективного», «личного»; он боится показаться смешным. У него нет времени для «сентиментальностей». Он хочет «импонировать» людям, а для этого надо быть в жизни независимым, важным, чопорным. Поэтому он старается отделаться от «чувства» совсем. Он выступает в жизни как человек деловой и холодный и не придает значения «сердцу». Ибо он боится больше всего – показаться слабым и стать смешным...

Вот почему люди нашей эпохи *стыдятся* положительных и добрых чувств и не предаются им. И самая благотворительность становится у них делом расчета, черствого ума, организации, делом показным и недобрым. И самые разговоры их о «гуманности» звучат *фальшиво* и толкуются *партийно и двусмысленно*. Но если человек не живет сердцем, то нет ничего удивительного, что оно глохнет и отмирает и что это отмирание становится наследственно-потомственным. При этом люди не замечают, однако, что отрицательные чувства, дурные и злые (гнев, злоба, зависть, мстительность, ревность, жадность, тщеславие, гордость, жестокость и др.), остаются и беспрепятственно расцветают, тем более что они, по-видимому, проявляют *силу* человека. Они импонируют большинству людей, ибо обнаруживают в человеке энергию, волю, настойчивость и властность; они внушают окружающим сначала опасение, а потом и страх, и даже незаслуженное уважение... Отсюда эта жалкая картина: *современный «культурный» человек стыдится своей доброты* и нисколько *не стыдится своей злобы и порочности*.

Так развернулась больная культура наших дней: она строилась и создавалась при бессилии добрых чувств, из заглохшего и омертвевшего сердца. И тот, кто присмотрится к этому своеобразному душевному состоянию, тот неизбежно придет к следующим выводам.

Современный человек привык творить свою жизнь – мыслью, волею и отчасти воображением, исключая из нее добрые побуждения сердца; и, привыкнув к этому, он не замечает, куда это ведет: он не видит, что создаваемая им культура оказывается *безбожною*, впадает в *пошлость, вырождается и близится к крушению*.

Мышление без сердца, – даже самое умное и изворотливое, – остается в конечном счете *безразличным*: ему все равно, за что ни взяться, что ни обдумать, что ни изучить. Оно оказывается бесчувственным, равнодушным, релятивистическим (все условно! все относительно!), машинообразным, холодным и циничным; особенно – циничным, а потому характерным для карьеристов, для людей пролазливых, льстивых, пошлых и жадных. Такое мышление не умеет *вчувствоваться* в свои предметные содержания; оно не созерцает, оно лишено интуиции; его главный прием есть умственное разложение жизни, как бы умственная «вивисекция» живых явлений и существ. Поэтому оно остается аналитическим, оно действует разлагающе и так охотно занимается пустыми «возможностями» и «построениями» (конструкциями). Это делает его *беспредметным* в истинном и глубоком смысле слова; но люди этого не замечают. Отсюда возникает формалистическая и схоластическая наука, – формальная юриспруденция, разлагающая психотерапия, бессодержательная эстетика, аналитическое естествознание, парадоксальная математика, абстрактная и мертвая филология, пустая и безжизненная философия. Наука становится мертвым и ложным делом, а человек вынашивает беспочвенное, разнузданное, обманчивое мирозерцание...

Бессердечная воля, – сколь бы упорной и настойчивой она ни была в жизни, – является в конечном счете лишь животной алчностью и злым произволением. «Освободившись» от любви, воля оказывается бесцеремонной и безудержной, но воображает о себе, будто она

«могущественна» и «свободна». В действительности же она является безжалостной, напористой и жестоковыйной. Успех для нее – все; мучительство и убийство для нее – дело простое и обычное. Это – *злая энергия души*. Она живет всецело в трезвости земных похотей: это есть воля к обладанию и к власти и расценивать ее надлежит не как духовную потенцию, а как *опасное явление природы*. Это и есть именно та воля, для которой *поставленная цель оправдывает всякое средство*. Это есть воля ненасытного властолюбия, воля тоталитарного государства и «единоспасительной церкви», антисоциального капитализма, коммунистического деспотизма, империалистических войн за колонии; такова воля всех карьеристов и тиранов.

И наконец – *воображение в отрыве от сердца*, как бы картинно и ослепительно оно ни изживалось, остается в конечном счете безответственной игрой и пошлым кокетством. Никогда еще оно не создавало истинного и великого искусства; никогда еще ему не удавалось узреть глубину жизни и высоту духовного полета; и никакой успех у толпы, если он бывал, не доказывал обратного. Фантазия, лишённая любви, есть не что иное, как разнуздавшееся естественное влечение, неспособное творить культуру; или же изобретательный произвол, не имеющий никакого представления о художественном совершенстве. Поэтому безлюбное воображение есть не дух, а *подмена духовности*, ее суррогат. Его «игры» – то похотливы и пошлы, то конструктивны, беспредметны и пусты. Это воображение, которое разрешает себе все, что доставляет ему удовольствие, и которое готово на всякий, и даже самый гнусный заказ, диктуемый ему хозяйственной или политической «конъюнктурой»... Именно оно, духовно слепое, формальное и релятивистическое, породило в истории искусства современный «модернизм» со всем его разложением, снижением и кощунством...

Еще недавно казалось, что людям бессердечной лжекультуры никак не докажешь обреченности этого пути; они просто не хотели слушать наших возражений и обличений. «Почему же этот путь должен считаться обреченным, если история избрала именно его и осуществляет его? Все превосходно развивается, наука делает замечательные открытия, техника идет вперед и создает невиданное, промышленность процветает, медицина являет все новые достижения, юриспруденция вытачивает свою систему понятий, химия и физика производят миро-потрясающие, а может быть, даже миро-разрушительные опыты и т. д. . . В чем же обреченность этого пути?!»...

Стоя непосредственно перед крушением, в преддверии близящейся мировой катастрофы, люди не хотели видеть, что это не победоносное шествие, а скольжение в пропасть; что *формализм и разнуздание* суть гибельные координаты; и что властолюбию даются в руки такие средства, которыми оно будет злоупотреблять во всеобщее унижение и порабощение... И вот события последних десятилетий показали, что путь этот есть действительно обреченный путь.

Теперь люди скоро убедятся в том, что мнимый «прогресс» есть в действительности разложение культуры. События заставят их пересмотреть свои воображаемые «достижения» и обновить свой творческий акт. Сердце и созерцание, любовь и интуиция должны быть реабилитированы и возобновлены и соответственно получают руководящую силу. Наряду с чувственным наблюдением внешнего мира, наряду с холодной и жесткой волей к власти должно расцвести особое *сердечное созерцание*, свободное от предрассудков прошлого, не компрометируемое псевдонаучной мыслью, воспринятое и осуществляемое в культурном творчестве. Это сердечное созерцание переродит и окрылит чувственное наблюдение мира; оно свяжет и облагородит холодную и жестокую волю к власти и укажет ей ее высшие цели и задачи.

Человек должен научиться этому новому созерцанию, воспринимающему и природу, и человека, и высшие предметы потустороннего мира – *любвию*; любовь, по завету Евангелия, должна стать первой и основной движущей силой и создать новую культуру на земле.

Человек должен понять, что привычные для него вопросы – «а какая мне от этого польза?» и «как использовать мне данное положение вещей против других?» – суть вопросы, достойные животного, а не человека, и что такая установка души не может создать великую и

жизнеспособную духовную культуру. Культурное творчество требует от нас *предметного служения, духовной преданности и жертвенности*, т. е. сердца и любви. Оно требует от нас *выбора истинной цели, верности чувствувания и свободной совести*, т. е. опять-таки любви и созерцания. И эту творческую любовь и это творческое созерцание нельзя ничем заменить или подменить: ни суровой дисциплиной, ни идеей долга, ни авторитетными велениями, ни страхом наказания. Ибо любовь имеет в виду свободно избранный и любимый предмет; она индивидуализирует все отношения человека и воспитывает в нем культуру предметности; она интуитивна, созерцательна; она невынудима и свободна; она исходит от совести, движется вдохновением и творит. Тогда как долг есть начало рассудочное и формальное, а дисциплина действует силою авторитета, она не выбирает своего предмета и довольствуется внешней исполнительностью. Конечно, при отсутствии любви – лучше долг, чем произволение, и лучше дисциплина, чем разнуздание. Но ни долг, ни дисциплина не могут заменить любви.

Вот почему культура без любви есть пустое и мертвое понятие, мнимая культура или прямое лицемерие. И путь этот есть обреченный путь.

3

О чувстве ответственности

Человек, как *духовное* существо, всегда ищет *лучшего*, ибо некий таинственный голос зовет его к *совершенству*. Он, может быть, и не знает, что это за голос и откуда он... Он, может быть, чувствует бессилие своей мысли и своего слова каждый раз, как пытается сказать, в чем же состоит это совершенство и какие пути ведут к нему. Но голос этот *внятен* ему и *властен* над ним; и именно желание отозваться на этот призыв и искание путей к совершенству придают человеку достоинство *духа*, сообщают его жизни *духовный смысл* и открывают ему возможность творить настоящую *культуру* на земле.

А человек призван быть на земле именно духом – не просто живым существом наподобие животных и насекомых, и не только одушевленным созданием, удачно соображающим и желающим для себя всякой пользы, капризно и разнообразно чувствующим и нестесненно фантазирующим. Все эти душевные способности даются ему, но не для злоупотребления ими, а *для благого и ответственного служения*. И вот первое, что необходимо каждому человеку, желающему творить культуру, это чувство своего *предстояния*, своей *призванности* и *ответственности*. Можно было бы сказать, что люди делятся на две большие категории: одни безответственно ищут в жизни или своего *наслаждения* (это люди «поглупее»!) или своей *пользы* (это люди «поумнее»!), другие же чувствуют себя *предстоящими* чему-то Высшему и Священному, так, что, даже не умея сказать, что это за Высшее и где обретается это Священное, они не сомневаются в самом своем *предстоянии* Ему. Мир не есть для них «вольное пастбище», данное им для личного прокормления и устройства; он не есть для них и случайное нагромождение «впечатлений», «явлений», удовольствий и неприятностей. Они чувствуют и прозревают великий смысл мирового вращения и своей собственной жизни; и не успокаиваются на том потоке «ничтожной суеты» и «мелкого сора» (А.К. Толстой), в котором тонут столь многие.

Это чувство предстояния и призванности сразу успокаивает их и тревожит: успокаивает – ибо дает им ощущение высшей «водимости», творческой основы, жизненного смысла и собственного достоинства; тревожит – ибо вызывает в них живое чувство *духовного задания*, *высшей ответственности* и *собственного несовершенства*. Это возлагает на них обязанность не мириться со всем тем, что происходит в них и во внешнем мире, обязанность оценивать, искать верных мерил, выбирать, решать и творить. Это зовет их сразу к труду, к дисциплине и к вдохновению.

Такое удостоверение в собственной духовности и приятие ее есть первооснова живой религиозности. Ибо то Высшее, чему человек *предстоит*, есть Господь, Его зовы и Его божественные излучения. И *призвание* человека определяется именно свыше. И *духовное измерение* человеческой жизни и всех ее дел имеет тот же единый источник. И ответственность человека есть в последнем измерении всегда ответственность перед Богом.

Само собою разумеется, что человек не всегда отчетливо *сознает* это и редко может точно *выговорить* ощущаемое. Но это ничего по существу не меняет. *Сознание есть не первая и не важнейшая ступень жизни, а вторичная, позднейшая и подчиненная*. И закрепление в слове глубоких и священных жизненных сил дается не каждому человеку, дается не всегда и не легко. Здесь важно и драгоценно не умствование и не словесное описание, а *твердое и глубоко укорененное чувство предстояния, призванности и ответственности*. Духовность человека отнюдь не совпадает с сознанием, отнюдь не исчерпывается мыслью, отнюдь не ограничивается сферой слов и высказываний. Духовность глубже всего этого, могущественнее, богаче, значительнее и священнее. Духовность человека состоит прежде всего в уверенности, что в пределах его собственной души есть *лучшее* и худшее, *на самом деле* лучшее; такое, качество и достоинство которого не зависит от человеческого произвола; такое, которое надлежит при-

знать и перед которым подобает преклониться. К этому лучшему и высшему надо прислушиваться, сосредоточенно испытывать его, вникать в него, предаваться ему. И по мере того как человек осуществляет это, он убеждается в том, что это высшее и лучшее совсем не исчерпывается его личными пределами, но является в нем самом как бы излучением и энергией действительно Высшего и Совершенного Начала, которому он и *предстоит* на протяжении всей своей жизни. Приобщаясь этому Началу, духовный человек не может не радоваться Ему, не может не возжелать Его и не полюбить Его. И очень скоро он удостоверяется в том, что это радование естественно и целительно, что это желание драгоценно и жизненно необходимо, что эта любовь открывает ему настоящий доступ к жизненному свету, к истинной свободе, к подлинному бытию и личному духовному достоинству. В этом делании духовный человек научается преклоняться перед Богом, чтит самого себя, видит и ценит духовность во всех людях и желает творческого раскрытия и осуществления духовной жизни на земле. Это и есть сущая культура.

Все это можно было бы выразить так: в основе подлинной духовной культуры лежит *личная, искренняя религиозность* культурно-творящего человека⁵. *Религиозность есть живая первооснова истинной культуры*. Она несет человеку именно те дары, без которых культура теряет свой смысл и становится просто неосуществимой: чувство *предстояния*, чувство *задания* и *призванности* и чувство *ответственности*.

Предстояние Высшему есть первый дар религиозности. Напрасно думать, что это чувство «унижает» человека или придает ему «рабские черты». Такое мнение свидетельствует о том, что данному человеку далеко до истинной свободы: он боится попасть в «рабское» положение именно потому, что он все еще чувствует себя сам «недавним рабом», или «пол у рабом», или, если угодно, «вольнотпущенником». Человек, нашедший свою свободу и утвердившийся в ней, знает, что никакие условия, ни внешние, ни внутренние, не могут отнять у него этой свободы; ибо оттого, что другие люди будут обходиться с ним, как с рабом, его свобода не угаснет, а только углубится до пределов внешней недосыгаемости; сам же он никогда не усвоит рабскую установку. Свобода, вообще говоря, не «дается», а «берется»; она берется духом, как его неотъемлемое достояние, и соблюдается им, как неотчуждаемая святыня. Но для того, чтобы это совершилось, свобода должна найти свой источник в том Высшем, которому она имеет счастье предстоять и от которого исходит всяческая духовность и всяческая свобода.

Именно это имел в виду мудрый Томас Карлейль, когда писал: «В груди человека нет чувства более благородного, чем это удивление перед тем, что выше его»... «Человек не может вообще знать, если он не поклоняется чему-либо в той или иной форме»⁶... Надо сказать еще больше: человек не может творить культуру, не чувствуя себя предстоящим именно тому, что он должен осуществить в своем культурном творчестве. «Творящий» без верховного Начала, без идеала, перед которым он преклоняется, не *творит*,

---

⁵ См. в моем труде «Аксиомы религиозного опыта» главы 1,2,5,9,16,18,19,22, 25 и 26.

⁶ См. Герои и героическое в истории. Спб., 1898, с. 37, 113

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.